

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Великій князь Георгій Александровичъ былъ вторымъ сыномъ русскаго императора, Александра III. Жизнь этого царевича мало знакома міру и окружена всевозможными легендами.

Красивый и цвѣтушій юноша — онъ былъ любимцемъ своей матери, императрицы Маріи Ѳеодоровны. Своему второму сыну, по традиціи, высочайшіе родители избрали морскую карьеру. Въ одно изъ морскихъ плаваній Георгій взобрался на мачту и, потерявъ равновѣсіе, свалился на палубу. Такъ говорили. Это паденіе дорого стоило царевичу — онъ повредилъ свои молодыя легкія и съ тѣхъ поръ здоровье ему измѣнило; исчезъ румянецъ, появился кашель, лихорадочно заблестѣли глаза. Начался опасный процессъ въ легкіяхъ,

Въ императорской семьѣ заволновались. Консультировали со всѣми знаменитостями міра. Возили больного царевича по теплымъ заморскимъ краямъ — въ Ниццу, Каннъ, Алжиръ.

Увы! Ни лекарства, ни южное благодѣтельное солнце не излечили недуга царевича. Тогда, по совѣту профессора Захарыина, отъ леченія тепломъ перешли къ леченію холодомъ. Георгія перевезли въ Россію, въ мѣстечко Абастуманъ. *)

Первый обратилъ вниманіе на Абастуманъ профессоръ Ремертъ. **) Онъ изучилъ абастуманскій климатъ и воды.

*) На Кавказѣ, вблизи турецкой границы; бывшая Турція.

**) Въ 1880 годахъ.

Блестящіе опыты превзошли его ожиданія ***) и онъ сталъ культивировать чудодѣйственное мѣстечко.

Изумительно красива и богата природа Абастумана. Узкое ущелье расположено на высотѣ 6000 футовъ въ вѣчно-зеленыхъ горахъ, покрытыхъ южною душистою сосной. При въѣздѣ — водопадъ. Прозрачными струями онъ ударяется о камни. Бѣшено пѣнясь, разсыпая брилліантовыя искры, несетя онъ бурной рѣкою навстрѣчу другимъ такимъ-же прозрачнымъ и быстрымъ рѣченкамъ, полнымъ форелей. Дѣвственные лѣса Абастумана полны душистыхъ и яркихъ цвѣтовъ, ягодъ, пестрыхъ бабочекъ и диковинныхъ птицъ и жучковъ.

Докторъ Ремертъ культивировалъ естественныя сосновыя рощи, насадилъ парки, выстроилъ ванныя зданія и ротонды. Частныя виллы и гостинницы выросли одна за другой. Лѣтомъ съѣзжалась нарядная публика, гремѣли военные оркестры въ паркахъ и рощахъ, бойко торговали буфеты. На зиму — снѣжную и солнечную — оставались только служащіе и больные. Жизнь затихала.

Но, въ одинъ прекрасный весенній день, въ самомъ концѣ Абастумана, на пустыхъ лѣсныхъ участкахъ, закипѣла спѣшная работа. Строили дворецъ и ограду, разбивали садъ, расчищали лѣсъ, утрамбовывали дорожки и площадки. И быстро, словно по волшебству, выросъ новый теремъ — дворецъ въ русскомъ стилѣ.

А золотою осенью Абастуманъ украсился гирляндами и флагами — встрѣчали больного царевича Георгія и его блестящую свиту.

Жизнь въ Абастуманѣ закипѣла. Строились одинъ за другимъ великокняжескіе дворцы. Съѣзжались высочайшія и знатныя особы. Въ мирномъ, дикомъ уголкѣ созданъ маленькій дворъ и плелось тонкое кружево придворныхъ интригъ. И здѣсь, у постели больного царевича, искали карьеры, наградъ, почестей.

Изъ Кутайса*) прилетѣлъ, пребывавшій тамъ въ изгнаніи и немилости, принцъ Ольденбургскій. Онъ надѣялся,

***) Излечивались слабогрудые, туберкулезные и золотушные.

что дружба Георгія вернетъ ему милость императрицы. Принцемъ послѣдовалъ рой очаровательныхъ кавказскихъ князей и княгинь. Сердце царевича было мечтою каждой изъ нихъ.

А когда въ 1894 году, по смерти императора Александра III, на престолъ вступилъ старшій сынъ его Николай II, и Георгій сдѣлался наслѣдникомъ русской короны, интриги и происки забурлили вокругъ маленькаго двора еще сильнѣе.

Почти всю свою недолгую жизнь наслѣдникъ цесаревичъ Георгій Александровичъ провелъ въ горномъ абастуманскомъ ущельи между розовой надеждой и чернымъ отчаяніемъ. Тамъ — въ царствѣ сосновыхъ горъ, быстрыхъ рѣчекъ и хрустальнаго воздуха, въ царствѣ лилій, рододендровъ и жасмина трепетало угасающею жизнью сердце царевича золотой сказки. Трепетало и угасло. И вокругъ внезапной и странной смерти Георгія вновь сложились таинственныя легенды.

Авторъ этого романа, княгиня Бебутова, писала его, пользуясь яркими воспоминаніями и разказами дѣйствующихъ въ романѣ лицъ и письмами, дневниками, и записками какъ самого царевича Георгія, такъ и его приближенныхъ. Почти всѣ дѣйствующія лица сохранили въ романѣ титулы, имена и фамиліи, нѣкоторыя измѣнены авторомъ и лишь немногія скрыты подъ псевдонимами. Ключъ къ этимъ псевдонимамъ и документы появятся въ печати по смерти автора.

Кн. О. Бебутова.

**) Губернскій городъ на Кавказѣ.*

ПРОЛОГЪ.

1891 годъ.

Въ золотыхъ лучахъ осенняго солнца, въ червономъ золотѣ заката, волшебный Абастуманъ встрѣчалъ высокаго гостя — царевича Георгія. Зеленяя гирлянды вились по оградамъ нарядныхъ виллъ, по кружевнымъ балконамъ, спускались къ заросшимъ кустарникомъ берегамъ быстрой, шумливой рѣки. При въѣздѣ въ ущелье триумфальную арку вѣнчали огромныя буквы — Г. А., подъ императорской короной. Тамъ, бѣшенымъ каскадомъ, волнуясь и пѣнясь, неслись струи водопада, ударяясь о камни.

Блѣдное голубое небо, безъ единого облачка, разстилось надъ Абастуманомъ и въ его легкомъ эфирѣ тонули причудливыя вершины горъ, казалось, замыкавшихъ ущелье со всѣхъ сторонъ. Принарядившіеся абастуманцы въ радостномъ волненіи высыпали на балконы, веранды и улицы. Телеграфъ уже извѣстилъ администрацію, что великій князь Георгій выѣхалъ съ послѣдняго полустанка и вся она, во главѣ со свѣтлѣйшимъ княземъ Шервашидзе*), блистая мундирами, приготовилась ко встрѣчѣ.

Промчались передовые — блестящій конвой царевича — и всѣ насторожились. Наконецъ то! Показалась первая коляска и въ ней, такъ всѣмъ хорошо знакомый по портретамъ, царевичъ Георгій въ сопровожденіи доктора и адъютантовъ. Юный царевичъ слегка приподнялся на подушкахъ экипажа. На худенькомъ, блѣдномъ лицѣ его заблистали глаза, синіе и измѣнчивые, какъ океанъ. Его увле-

**) Въ то время — тифлисскій губернаторъ; впоследствии гофмейстеръ и любимецъ императрицы Маріи Февдоровны.*

кала дикая красота этой новой для него природы, его тѣшила торжественная встрѣча. Слабая, ласковая улыбка, какъ тихій огонекъ, свѣтилась на его губахъ. За коляской царевича слѣдовалъ цѣлый рядъ свитскихъ экипажей и кортежъ замыкался конвоемъ.

— Красота, ваше высочество, вы любите природу, вы здѣсь не соскучитесь — ласково склонился къ Георгію молодой элегантнѣй морякъ съ энергичными породистыми чертами сильнаго брнета, тотъ, который занималъ почетное мѣсто рядомъ съ высокимъ больнымъ, любимый адъютантъ царевича, Алексѣй Владиміровичъ Гулак-Артемовскій.

— Волшебный уголокъ — задумчиво подтвердилъ царевичъ — вѣчная зелень пышныхъ лѣсовъ, волнующійся водопадъ, сказочная рѣчка. А воздухъ какой прозрачный и живительный. Сразу легче дышется полною грудью. Здѣсь все меня встрѣчаетъ лаской — ясное небо, золотое солнышко, добрые люди. Здѣсь моя надежда, Артемовскій и . . .

Легкій приступъ кашля и царевичъ, блѣднѣя, снова откинулся на подушки.

— Вы слишкомъ много говорите, ваше высочество — осторожно замѣтилъ докторъ Цоровъ.

Онъ занималъ мѣсто въ коляскѣ противъ царевича. Это былъ рослый тридцатипятилѣтній богатырь, съ крупной головой, сильный, лубочно-красивый, съ затаенными огоньками въ круглыхъ, сѣровато-желтыхъ глазахъ. Очевидно, онъ не пользовался симпатіями царевича — Георгій не отвѣтилъ на замѣчаніе своего врача. Его голубоватыя вѣки устало сомкнулись и трепетная тѣнь каштановыхъ рѣсницъ скользнула по блѣдному лицу.

Третій спутникъ царевича, его второй любимый адъютантъ, Альфонсъ Леонардовичъ Хельстремъ, вдругъ неожиданно разсмѣялся. Молодой красавецъ — шведъ, яркій блондинъ, съ голубыми, какъ это небо, глазами, цвѣтушій и стройный, веселый и безпечный, онъ, безъ счета, шута, покорялъ жеңскія сердца. Онъ любилъ роскошную, легкую жизнь и прекрасныхъ женщинъ. Онъ невредимо скользилъ въ тонкихъ кружевахъ придворныхъ интригъ. Самъ, придворный съ головы до ногъ, лишь въ атмосферѣ двора онъ

дышалъ свободно и счастливо. Сейчасъ его неожиданный смѣхъ потревожилъ царевича.

— Что случилось, Хельстремъ? О чемъ? — внезапно вздрогнулъ Георгій и, изъ тѣни рѣсницъ его, снова блеснула синева глазъ.

— Мелькнула мысль, ваше высочество — смѣясь признался Хельстремъ — что воздухъ здѣсь живительный, природа очаровательная, но... скука насъ всѣхъ здѣсь ждетъ смертельная. И, какъ всегда, въ рѣдкія минуты отчаянья, онъ весело разсмѣялся.

— Тебѣ-то ужъ не будетъ скучно, Хельстремъ! — иронія звучала въ голосѣ Артемовскаго. — И здѣсь, конечно, въ дикомъ углу, ты встрѣтишь не одну женщину, которую въ своемъ легкомысліи назовешь прекрасной. Мы то тебя знаемъ, нашъ блестящій Донъ-Жуанъ.

— Можетъ быть — безопасно пожалъ плечами Хельстремъ. — У меня вѣдь — „бей сороку и ворону“.

— Хельстремъ — остановилъ его царевичъ.

— Не буду, не буду, ваше высочество, простите меня. Вы пуританинъ и считаете меня циникомъ, но я постараюсь исправиться.

— Ты неисправимъ, ты слишкомъ избалованъ! — и чуть замѣтная, снисходительная улыбка мелькнула по губамъ Георгія.

— Что женщины! — уже безопасно улыбался Хельстремъ. — Онѣ очаровательны, конечно, и украшаютъ нашу жизнь, какъ дивныя цвѣты. Мы срываемъ ихъ, наслаждаемся ихъ ароматомъ, ихъ красотою и... бросаемъ. Но дружба, дружба моего царевича — это уже сама жизнь. Ради нея я готовъ, не срывая, растоптать всѣ лучшіе цвѣты поднебеснаго уголка.

Пышный кортежъ остановился у высокой ограды. Въ золотыхъ лучахъ заката, на фонѣ зеленыхъ сосновыхъ горъ, вырисовывался стройный силуэтъ новаго дворца въ русскомъ стилѣ.

— Красиво! — сказалъ Артемовскій. — Нравится вамъ вашъ новый теремъ, ваше высочество?

— Я люблю нашъ русскій стиль. Какъ-то сразу чувствуешь себя дома. Будетъ-ли мой новый теремъ счастли-

вымъ для меня? — и нотка затаенной грусти прозвучала въ голосъ Георгія.

— Самымъ счастливымъ, ваше высочество! — весело подхватилъ Хельстремъ.

— А пока — дѣловито сказалъ докторъ — придется лечь въ постель, ваше высочество. Послѣ утомительнаго пути надо отдохнуть. Вѣдь мы уже завтра приступаемъ къ новому леченію.

Царевичъ покорно прошелъ въ свою спальню. Тамъ все располагало къ отдыху, все ждало больного хозяина.

— Его сіятельство, графъ Олтуфьевъ!

Тѣнь неудовольствія мелькнула по лицу Георгія, но она уже скрылась въ глубинѣ синихъ глазъ, когда на порогѣ обрисовалась мрачная фигура могущественнаго наставника. Характерныя черты холоднаго, словно покрытаго маской, лица; гордая голова на коренастыхъ плечахъ, сѣдѣющіе усы надъ чувственными губами.

— Какъ здоровье его высочества? Самочувствіе? Можетъ быть, великій князь что-нибудь прикажетъ? Не разрѣшится ли онъ прочесть ему привѣтственную телеграмму ея величества?

Графъ важно расположился въ креслѣ и у самаго изголовья царевича отдавался его глухой, низкій голосъ. Отвѣты его высочества были кратки и холодны. И, такъ какъ Георгій казался утомленнымъ послѣ долгаго пути, визитъ наставника не былъ долгимъ. Онъ пожелалъ царевичу всѣхъ благъ и спокойнаго сна и величественно удалился.

У постели Георгія остался только одинъ его любимецъ — Артемовскій. Этому царевичъ могъ довѣрять. Единственный сынъ богатѣйшихъ родителей, онъ всю свою мѣлодную жизнь посвятилъ больному другу. Ради дружбы онъ покинулъ старыхъ родителей, свѣтскую жизнь и свѣтскихъ красавицъ, свои богатые дома и владѣнія.

Теперь онъ нѣжно, какъ любящая мать, пожималъ хрупкую руку царевича.

— Тебѣ здѣсь нравится? Ты не раскаиваешься, что забрался въ эту глушь, Алексѣй?

— Развѣ я не съ тобой, Георгій?

— Ты очарователенъ и я очень, очень тебя люблю.

Рука Артемовскаго крѣпче сжала руку Георгія.

— И, право, здѣсь недурно — сказалъ онъ. — Волшебная природа и волшебный воздухъ. Ты наберешься здѣсь силъ, Георгій, окрѣпнешь и вмѣстѣ мы вернемся въ цвѣтущую, веселую Ниццу. А теперь постарайся заснуть. Для бесѣды передъ нами долгіе дни. Покойной ночи.

Тишина. Глаза царевича открыты и не отрываются отъ образа Божіей Матери, озареннаго тихимъ свѣтомъ лампы. Блѣдныя губы шепчутъ молитву.

Вотъ дрогнули рѣсницы и сомкнулись. Осторожно поднялся Артемовскій и тихо-тихо направляется онъ къ двери.

— Алексѣй, покойной ночи — раздался ласковый голосъ. — Не тревожься, я засыпаю. Я думаю... все думаю о томъ, что жизнь могла-бы быть прекрасна, если-бъ не эта болѣзнь. Мнѣ страшно, Алексѣй. Можетъ быть, мнѣ остаются только эти мои грезы, послѣдніе цвѣты умирающей осени.

Затихъ голосъ, словно замеръ. Артемовскій еще нѣсколько мгновений ласково смотрѣлъ на это блѣдное лицо, озаренное тихимъ свѣтомъ лампы.

Уста царевича сомкнулись и нѣжная улыбка — улыбка грёзы, скользила по милому лицу.

По шоссе, мимо дворца, быстро мчится коляска, запряженная парой вороныхъ. Въ ней — одинокая, сумрачная, грузная фигура графа Олтуфьева. Нависшія брови сдвинуты, стальные глаза блестятъ изъ-подъ надвинутой на лобъ фуражки. Вельможа не въ духѣ. Перспектива уединенной жизни въ дикомъ углу ему не улыбается. Слишкомъ много оставилъ онъ въ столицѣ. И блескъ большого двора, и свой роскошный особнякъ, и семью, и интимныя, закулисныя наслажденія. Но высочайшая воля направила его сюда и, только предъ этой волей, онъ, могущественный и гордый, становится жалкимъ рабомъ.

Георгій, любимый сынъ императрицы, „мой мичманъ“

— нѣжно называетъ его она. И этотъ любимецъ, такъ близкій къ трону, борется со смертельнымъ недугомъ — чахоткой и, если онъ будетъ спасенъ, слава, почетъ и новое могущество при большомъ дворѣ графу Олтуфьеву...

Коляска тихо остановилась у деревянной рѣзной ограды. За палисадникомъ виднѣлась большая, ярко освѣщенная вила.

Обширная комната вся въ тяжелыхъ, пестрыхъ коврахъ. Огромныя, готическія окна глядятъ въ густой запущенный садъ. Блѣдно улыбается луна съ прозрачнаго неба.

Графъ Олтуфьевъ откинулся на высокую спинку стариннаго кресла. Лицо его холодно, глаза опущены. Передъ нимъ почтительно склонился молодой морякъ Бойсманъ. Тоненькій и невзрачный, съ быстрыми, карими глазками на мышинномъ лицѣ.

— Я сдѣлалъ все, что могъ, ваше сіятельство. Это лучшая вила въ Абастуманѣ. Ваши ковры и богатые ткани создали нѣкоторый уютъ.

— Благодарю, лейтенантъ. Помѣщеніе сносно, особенно если принять во вниманіе, что все это не надолго. А теперь побесѣдуемъ о дѣлахъ. Вы должны безсмѣнно находиться во дворцѣ и каждый вечеръ, въ этомъ кабинетѣ, вы мнѣ будете давать полный отчетъ о вашихъ наблюденіяхъ. Я все и о всѣхъ долженъ знать, каждую мелочь. Моя отвѣтственность грандіозна.

— Положитесь на мою преданность, ваше сіятельство

Въ полумракѣ графскаго кабинета вновь откинулась тяжелая портьера, впуская богатырскую фигуру доктора Порова.

— Присядьте, докторъ. Наша бесѣда будетъ нѣсколько длиннѣе обычной. Какъ нашли вы великаго князя? Далекій путь, конечно, утомилъ его высочество?

— Драгоценное здоровье его высочества внушаетъ мне опасеніе, графъ. Завтра же мы приступимъ къ новому леченію. Отвѣтственность, конечно, не моя. Профессоръ За-